

Ведущая
Ирина КРОТОВА
ira.krotova90@mail.ru

КРАЙ РОДНОЙ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ
СТРАНИЦА
Выпуск №25

«Шумит, не умолкая, память-дождь...»

Группа советских инженеров посетила в 1946 году военные заводы поверженной Германии

(Окончание. Начало в «КП» №121,
от 27 октября 2016 года)

ИВАН КОСТРЮКОВ,

ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ, КАНДИДАТ ТЕХНИЧЕСКИХ
НАУК, ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР ЦНИИМАШ С 1959 ПО 1985 ГОД

Нордхаузен

Легко себе представить, чего ожидали немцы от «восточных варваров» после таких «цивилизованных» янки... К большому удивлению моих квартиродателей, наши отношения складывались хорошо, я нередко подолгу общался с ними и даже как-то удостоился приглашения на обед. Уже через месяц-два я довольно свободно говорил по-немецки и даже ездил один в свободные дни и в другие города Германии, так что нередко свои принимали меня за немца.

В КБ Нордхаузена нас привезли, так сказать, на подмогу — здесь образовалась целая гора чертежей, которые надо было оперативно распределять по узлам и сборкам. Чертежи были всем одинаково незнакомы, но у меня было преимущество вузовской подготовки как механика и я довольно быстро почувствовал себя как рыба в воде.

Готовая продукция (узлы ракетных двигателей) в цехе завода Нордхаузен.

Мы должны были понять причину внесения в документацию различных изменений, как-то влияющих на работоспособность ракеты, и таким образом воссоздать историю её отработки и вникнуть в рабочую документацию, соответствующую немецким стандартам и наиболее отработанному изданию. Это была довольно сложная задача, так как мы имели в своём арсенале лишь отдельные детали и остатки ракет неизвестных периодов изготовления.

Сами мы чертежи не выпускали, но, проверив работу, сделанную немцами, вместе с ними подписывали их, как бы удостоверив то, что нам всё понятно, и принимая на себя обязательство позже, на родине, перевести эти чертежи на русский язык и отечественные материалы и стандарты.

Пока немцы работали над чертежами, мы переводили техническую документацию на русский язык. Контролировал нас начальник нашего КБ, инженер из Химок, подполковник Георгий Николаевич Лист. Немец по происхождению, он отсидел в наших тюрьмах и был освобождён незадолго до командировки в Германию. По немецкому тексту он проверял наш перевод и недовольно морщился, когда мы что-нибудь переводили небрежно, путая множественное число с единственным и прошедшее время с настоящим или будущим.

Разбирались мы также и в пневмогидравлических и электрических схемах, поскольку нас интересовала взаимосвязь всех элементов не только в пределах рассматриваемого узла, но и состояния смежных узлов и систем, чтобы понять их взаимодействие при работе всего агрегата на каждом режиме его функционирования. Поэтому, разбираясь в работе всего двигателя, нам приходилось разговаривать последовательно с рядом немецких спе-

циалистов. Было странно, что на многие наши вопросы они не могли ответить, поскольку сами не представляли работу смежных систем. Такой наш дотошный подход к делу был непонятен немцам, так как их интересы и знания были узконаправленными, что ли, — они практически не выходили за рамки конкретной системы, которой занимались.

Состав немецких специалистов был очень неоднороден, да и сами они о своих сотрудниках далеко не всегда были высокого мнения. Над некоторыми откровенно потешались, называя их, к примеру, фляйшер (мясник). Среди их сотрудников КБ была и машинистка-переводчица, которая во время войны работала в гестапо. Печатала она со скоростью пулемёта, но когда ей приходилось раз за разом перепечатывать один и тот же документ из-за ошибок немецких специалистов, у неё непроизвольно вырывались фразы типа: «За такую работу кости переломать мало!» — видимо, из лексикона её не такого уж далёкого прошлого...

В процессе совместной работы, видя нашу относительную незанятость, немцы смеялись над нами, полагая, что мы приехали изучать немецкий язык, даже карикатуры на нас рисовали в своих газетах. Когда же подошёл этап приёмки сделанных ими чертежей, и мы начали очень чётко выявлять все их ошибки и недоработки, включая неправильное применение немецких стандартов, то их отношение к нам сразу изменилось. «Как такое может быть? Ведь вы же плохо знаете наш язык...», — читалось на их лицах. А ларчик

открывался просто: мы не понимали фразы, где был какой-то изъян, вроде недостающего или перепутанного слова, а потому не могли перевести её. Но немцам это было невдомёк, а потому скоро нас стали уважать как квалифицированных специалистов.

Я отвечал за выпуск чертежей на парогазогенератор. Старшим по этой системе у немцев был герр Шмидт, удравший потом из окна вагона во время перемещения в Советский Союз. Он был небольшого роста, обладал прекрасной дикцией и берлинским выговором. Когда я в третий раз нашёл ошибки в одном и том же чертеже, он с проклятиями бросился распекать своих подчинённых.

Кстати сказать, с немецкими специалистами все взаимоотношения ограничивались только служебными разговорами. Некоторые из них позже были доставлены к нам в СССР и работали на закрытом предприятии (остров Городомля на озере Селигер).

Среди наших специалистов наиболее колоритной фигурой был начальник нашей группы Пётр Митрофанович Яковлев — полковник, недавно уволенный из армии, а потому ещё носивший военную форму, чем вводил в заблуждение не только немцев. Немецкие инженеры, принимая его за крупного руководителя и специалиста, нередко обращались к нему с вопросами. Он с невозмутимым видом внимательно выслушивал их, потом подзывал кого-нибудь из наших, относительно хорошо владеющего языком, и не меняя выражения лица, спрашивал, чего хочет немец. И тот был вынужден повторять свою тираду. Сам же Яковлев в немецком языке был, как говорится, «не в зуб ногой».

По прошествии некоторого времени были образованы специальные подразделения.

Одно специализировалось на камерах сгорания, другое — на парогазогенераторах, третье — на арматуре, четвёртое — на турбонасосных агрегатах, пятое компоновало общие виды. Для разработки этих чертежей были скомплектованы и группы немцев, многие из которых ранее работали в других отраслях, хотя были среди них и ракетчики, но, судя по всему, всё же второстепенные. Часть немецких специалистов имела дипломы инженеров и, придя в КБ, они первым делом ставили на стол табличку с надписью: здесь работает такой-то дипломированный инженер.

Погода в то время была жаркой, а потому независимо от возраста многие из них ходили в шортах, в грубых тяжёлых ботинках и белом халате, являя собой довольно странных существ на волосатых ногах.

Фау-2

Мы не только выпускали документацию на уже сделанную немцами ракету «Фау-2», на базе которой потом будет создана наша «Р-1», но и проектировали и ракету на удвоенную дальность. Другими словами, работали над ракетой «Р-2», максимально используя задел по «Фау-2». Для новой ракеты нужно было иметь более мощную энергетику, обеспечить более длительную работу форсированного двигателя, а, следовательно, необходим был более мощный парогазогенератор.

Прорисовка такого варианта с учётом пространственного расположения всех трубопроводов — дело очень трудоёмкое, и поэтому вначале был сделан натурный макет такого двигателя. При изготовлении макета мне пришлось в одну из ночных смен руководить бригадой немецких рабочих, выполнявших разводку кислородных трубопроводов от турбонасосного агрегата к восемнадцати форкамерам камеры сгорания.

Нас вывели в ночную смену в цех (вероятно, из соображения секретности, подальше от посторонних глаз). Странная это была картина — в глубине ещё недавно враждебной Германии немцы ночью работают под руководством молодого русского специалиста (мне было всего 23 года!) Причём, специалистами-то как раз были они, а неспециалистом — я, но слушались они меня беспрекословно, проявляя недюжинное терпение, видя мои пробы и ошибки. Не единожды обследовав три-четыре трубопровода, я убеждался, что для последующих уже нет места — тогда я приказывал все отрезать и начинать сначала. Немцы, вероятно, быстрее меня понимали, что трубы надо было проводить по-другому, но неукоснительно выполняли все мои указания. Никакой критики, никаких возражений не было и в помине! В итоге к утру все трубопроводы были разведены, и можно было делать чертежи, снимая размеры с реальной компоновки. С русскими рабочими так быстро завершить работу мне бы не удалось из-за нашей привычки всё обсуждать и высказывать начальству своё особое мнение.

Завершилась наша работа в Германии написанием нескольких томов отчёта. К сожалению, эти материалы были «похоронены» в каких-то наших секретных архивах. Поговаривали, что было это сделано по прямому приказу С.П. Королёва, хотевшего как-то приуменьшить зависимость конструкции «Р-1» от немецкой «Фау-2». Откровенно говоря, мне было жаль — это был первый подписанный и мною отчёт.

Наша жизнь в Германии не ограничивалась только одной работой — мы ездили и на экскурсии, и, как говорят сейчас, в шоп-туры в Лейпциг. По прошествии пяти месяцев все мы щеголяли в новых костюмах и пальто, с часами, приобретёнными лично мной впервые в жизни. В тех поездках были куплены и подарки всем родственникам. Единственное, что мне не удалось раздобыть, так это фотоаппарат «Лейку» — о чём я жалею до сих пор.

Копия первой ракеты «Фау-2» в музее Пенемюнде, Германия.

Домой

Постепенно подошло время нашего отъезда. Выезжали мы из Германии разными путями в декабре 1946 года. Я и ещё двенадцать человек 5 декабря ехали в вагоне товарного эшелона, в котором везли остатки материальной части ракет: детали, заготовки, полуфабрикаты. Из них впоследствии, после списания, в Подлипках ещё несколько лет делали заборы.

Расставались мы с Германией по-разному. Одни спали и видели возвращение домой, другие даже запивали от тоски. Кто-то нашёл себе здесь подруг — на вокзале их провожали плачущие сентиментальные немки, и они клятвенно обещали писать друг другу...

По Германии мы двигались спокойно, без происшествий. Наш эшелон сопровождала небольшая воинская группа под командованием капитана. Как только мы въехали в Польшу, он снял свои погоны и надел солдатскую гимнастёрку, после чего вся команда, за исключением одного, самого молодого, стала беспробудно пить до самого Бреста. Хотя в то время поездка по Польше была сопряжена с немалым риском, в чём мы скоро сами убедились, не однажды попав под обстрел (!).

Во время вынужденных остановок нас охранял только тот самый молодой солдатик, который одиноко ходил вдоль эшелона, иногда постреливая, чтобы отпугнуть поляков, но те всё равно пробирались к нам. Поляки были откормленные и, судя по всему, при немцах жили совсем неплохо. У меня сложилось тогда впечатление, что все они — прирождённые коммерсанты. У них на равных ходили рубли, злотые и марки, они с удовольствием занимались обменом и, конечно же, обманом, а при случае успевали пристрелить кого-нибудь из наших. Когда мы приехали в Подлипки, то узнали, что в пришедшем перед нами эшелоне в Польше убили двух человек — это в 1946 году!

Весьма примечательным было пересечение нашей границы. Поезд здесь выдерживался какое-то время до прихода таможенников, но пассажиры не выдерживали: поскольку многие тогда возвращались домой в товарных вагонах, то по обе стороны железнодорожного полотна лежали нерукотворные кучки... Мы сразу почувствовали себя дома, хотя от подобной картины уже успели порядком отвыкнуть. Наш капитан снова приобрёл свой браво вид и явился к нам с повинной. Мы его простили и не сказали никому из старших о его неподобающем поведении.

Пять дней продолжалась распрессовка колёс эшелона, и 17 декабря, через двенадцать дней после выезда из Германии, по морозцу мы прибыли в Москву, на Белорусский вокзал.

Материал подготовлен при содействии
Ольги ГЛАГОЛЕВОЙ
Сайт Королёвского краеведческого
общества имени Б. Я. Ежова
Skr.korolev-culture.ru